

ОТЗЫВ

официального оппонента о диссертации Чернявского Дмитрия Олеговича «Уголовно-правовая характеристика публичных призывов к нарушению территориальной целостности Российской Федерации», представленной на соискание ученой степени кандидата юридических наук по специальности 12.00.08 (Уголовное право и криминология; уголовно-исполнительное право)

Преступные посягательства на основы конституционного строя, к которым относятся и публичные призывы к нарушению территориальной целостности Российской Федерации, характеризуются повышенной общественной опасностью, поскольку могут поставить под угрозу безопасность самого государства, его суверенитет. В условиях сложной геополитической ситуации, обострившейся в связи с воссоединением Крымского региона с Россией, необходимость адекватного отражения внутренних и внешних угроз для ее территориальной целостности, обусловило принятие 28.12.2013 законодателем решения о криминализации соответствующих действий – Уголовный кодекс Российской Федерации дополнен статьей 280.1, устанавливающей уголовную ответственность за публичные призывы к осуществлению действий, направленных на нарушение территориальной целостности Российской Федерации.

Практика применения ст. 280.1 УК РФ находится в стадии формирования. Диспозиция этой нормы не содержит описания объективной стороны преступления (законодатель не раскрыл категории «публичные призывы», «территориальная целостность», не раскрыто и в чем могут заключаться действия, направленные на нарушение территориальной целостности Российской Федерации). К сожалению, не всем признакам состава преступления, предусмотренного ст. 280.1 УК РФ, дано толкование Пленумом Верховного Суда Российской Федерации (постановление от 28.06.2011 № 11 в

ред. от 03.11.2016). Это порождает определенные сложности в правоприменительной деятельности.

Все это без сомнения свидетельствует о чрезвычайной актуальности и своевременности избранной Д.О. Чернявским темы диссертации, которая, по существу, является первым научным исследованием этих вопросов.

Соискатель ученой степени правильно определил цели и задачи исследования, акцентировав внимание на разрешении теоретических и прикладных проблем, связанных с установлением и реализацией уголовной ответственности за указанное выше деяние, разработке научно обоснованных рекомендаций по совершенствованию ст. 280.1 УК РФ и практики ее применения.

Структура диссертации представляется методологически правильной, позволяющей логично, последовательно представить выявленные проблемы и их решения. В первой главе рассмотрен вопрос обоснованности введения в Уголовный кодекс статьи 280.1, что расценивается как акт криминализации; проанализировано соотношение этой нормы с правом на свободу слова и правом наций на самоопределение; определено место данного преступления в системе преступлений экстремистской направленности (с. 17-80). Вторая глава посвящена уголовно-правовой характеристике состава призывов к нарушению территориальной целостности. Здесь подробно рассмотрены все элементы данного состава преступления, выявлены имеющиеся проблемы в уголовно-правовом регулировании и квалификации обозначенного уголовно наказуемого деяния, предложены пути их решения (с. 81-175).

Диссертационное исследование, безусловно, отличается необходимой степенью *научной новизны*. Об этом свидетельствуют самостоятельный характер рецензируемого труда, обращение соискателя к большому числу научных публикаций, анализ достаточно сложных и спорных доктринальных вопросов, выработка *собственных* предложений и рекомендаций по модернизации действующего российского законодательства и его применению.

Грамотное использование диссертантом методов научного поиска, оригинальность авторских положений и результатов исследования позволяют сделать вывод об их *теоретической и практической значимости*.

В основу своей работы Д.О. Чернявским положены материалы эмпирического исследования, отвечающего требованиям репрезентативности. В частности, в управлении по надзору за исполнением законов о федеральной безопасности, межнациональных отношениях, противодействии экстремизму и терроризму им изучены и проанализированы материалы 17 надзорных производств по уголовным делам данной категории, копии судебных решений, проведено интервьюирование заместителя начальника названного подразделения Генеральной прокуратуры Российской Федерации, обобщены результаты проведенного экспертного опроса работников прокуратур 75 субъектов Российской Федерации (с. 9-10, 207-214).

Эмпирическая база кандидатской диссертации, изучение большого количества литературных источников основательно подкрепляют *достоверность* научных положений и *обоснованность* выводов, сделанных автором.

Большинство сформулированных Д.О. Чернявским положений, выводов и рекомендаций являются новыми, заслуживающими внимания научной общественности.

В частности, следует поддержать автора в том, что необходимо разделять понятия «экстремизм» и «экстремистская деятельность», поскольку они не тождественны. В этой связи представляет интерес авторское определение экстремизма, под которым предлагается понимать идеологию, обосновывающую необходимость насильственной борьбы с государственной политикой, общественно-политическим строем, а равно создания в обществе обстановки нетерпимости по признаку расовой, национальной, конфессиональной или иной принадлежности либо к представителям социальных групп; экстремистскую же деятельность следует рассматривать как внешнюю форму выражения экстремизма, представляющую собой

умышленные противоправные общественно опасные деяния, направленные на распространение идеологии экстремизма, а равно его реализацию (с. 69-71).

Диссертант обосновал социальную обусловленность криминализации публичных призывов к совершению действий, направленных на нарушение территориальной целостности Российской Федерации (с. 19-43); привел убедительную аргументацию о том, что данный уголовно-правовой запрет не противоречит праву на свободу слова и праву наций на самоопределение (44-61).

Опираясь на уже высказанную в науке позицию о необходимости выделения помимо группы «преступлений экстремистской направленности», также «экстремистских преступлений», автор предложил новые дополнительные критерии деления этих преступлений на подгруппы, определил место в системе этих преступлений публичных призывов к нарушению территориальной целостности Российской Федерации (76-80).

Новым, представляющим интерес для уголовно-правовой науки является и сформулированное в работе определение непосредственного объекта рассматриваемого преступления как общественных отношений, складывающихся на основе власти и подчинения, между государством (в лице Президента Российской Федерации, федеральных органов государственной власти и их должностных лиц), с одной стороны, и органами государственной власти субъектов РФ, органами местного самоуправления, физическими и юридическими лицами – с другой, по поводу обеспечения территориальной целостности России, которая предполагает сложившиеся исторически нераздельность, единство государственной территории и границы, и функционирования системы органов государственной власти (с. 102).

Д.О. Чернявский обстоятельно проанализировал объективную сторону состава преступления, предусмотренного ст. 280.1 УК РФ; выделил при этом исторические этапы в развитии уголовно-правового понимания категории «публичные призывы», предложил отличающиеся научной новизной критерии этой категории. На основании этих признаков, под публичными призывами к

осуществлению действий, направленных на нарушение территориальной целостности Российской Федерации, автор предлагает понимать выраженные в любой форме обращения к другим лицам, доступные для восприятия двумя или более лицами, с целью их побуждения к совершению действий, направленных на нарушение территориальной целостности Российской Федерации, т.е. уменьшения ее территории (с. 121). Сформулированное положение о том, что ст. 280.1 УК РФ охватывает публичные призывы как к насильственному, так и ненасильственному нарушению территориальной целостности, представляется обоснованным (с. 124).

Разделяем и вывод автора о том, что преступление, предусмотренное ст. 280.1 УК РФ, может являться длящимся (например, размещение виновным соответствующего призыва на сайте в сети «Интернет», к которому имеет доступ неограниченное число пользователей). Как небезосновательно отмечает соискатель, в этом случае рассматриваемое преступление следует считать юридически оконченным с начала побуждающих действий. Однако, фактически оно окончено с момента пресечения противоправной деятельности или ее добровольного прекращения виновным, с которого и следует исчислять сроки давности привлечения лица к уголовной ответственности (с. 114).

Обоснованными видятся и адресованные правоприменителю рекомендации по отграничению анализируемого деяния от преступлений, предусмотренных ст. 280 и ст. 205.2 УК РФ, от подстрекательства к иным экстремистским посягательствам; от административного правонарушения, предусмотренного ст. 20.29 КоАП РФ (с. 168-171, 174-175).

Заслуживают внимания и обсуждения предложения о необходимости конкретизации уголовно-правового запрета и изменения диспозиции ч. 1 ст. 280.1 УК РФ, которая, по мнению соискателя, должна выглядеть следующим образом: «Публичные призывы к нарушению территориальной целостности Российской Федерации», а также о дополнении этой статьи частью третьей, устанавливающей уголовную ответственность за рассматриваемое

деяние, совершенное лицом, обладающим общественно-политическим влиянием (с. 147, 167).

Диссертация прошла необходимую апробацию (с. 15-16).

Работа написана хорошим литературным стилем. Аргументация автора логична и последовательна. Автореферат диссертации соответствует ее содержанию.

Давая высокую оценку диссертационной работе Д.О. Чернявского, следует в то же время отметить, что она не свободна от ряда спорных либо недостаточно аргументированных положений, что, думается, стало неизбежным следствием сложности разрабатываемой темы для науки и практики. Остановлюсь на тех из них, которые вызывают возражения.

1. Автор выделяет два обязательных признака, присущих публичным призывам как уголовно-правовой категории: 1) адресатами выступают два и более лиц; 2) конкретный призыв доступен для восприятия двум и более лицам. В этой связи подвергается критике разъяснение Пленума Верховного Суда Российской Федерации (п. 4 постановления от 28.06.2011 № 11), согласно которому массовая рассылка смс-сообщений приравнена к публичным призывам.

Логика в данных рассуждениях, безусловна, есть. Действительно, согласно толковым словарям русского языка *публичный*, значит совершающийся в присутствии общества, публики, открытый, гласный (См. например: Толковый словарь Ушакова онлайн // <http://ushakovdictionary.ru>). Вместе с тем, лексическое значение того либо иного термина не всегда может совпадать с тем содержанием, которое ему придается в уголовном праве. Например, уголовно-правовое значение признака «пропаганда» в ст. 205.2 УК РФ не в полной мере соотносится с его содержанием в современном политическом дискурсе (в частности, анализ примечания 1.1 к названной статье УК позволяет считать, что уголовная ответственность за пропаганду терроризма может иметь место и в том случае, если соответствующие действия направлены на формирование идеологии терроризма даже у одного человека, хотя обычно

пропаганду определяют как распространение политических и иных взглядов, идей с целью их внедрения в общественное сознание, что предполагает ее направленность на широкую аудиторию).

Публичность призыва можно рассматривать в двух аспектах: а) соответствующее обращение (призыв) адресовано публике; б) призыв осуществлен в присутствии публики. Анализ разъяснений высшего судебного органа свидетельствует о восприятии им в качестве обязательного критерия первого из названных. Распространение обращений экстремистского содержания путем массовой рассылки сообщений абонентам мобильной связи (например, отправление СМС сотням абонентов) или направления электронных писем множеству пользователей сети «Интернет», полагаем, имеет не меньшую общественную опасность, чем выступление радикального оратора перед десятком человек. В этом смысле вряд ли правильно оставлять такие действия за пределами уголовно-правового регулирования. Позиция Пленума в этой связи представляется более обоснованной.

2. В диссертации дается следующее определение экстремистского мотива – это «вызванные определенными потребностями внутренние побуждения лица совершить преступление против потерпевшего (которым может являться как физическое лицо, так и юридическое лицо либо государство) в связи с принадлежностью к социальной группе по религиозному, расовому, национальному или иному признаку, а равно совершение преступления в целях борьбы с проводимой государством политикой, нарушения основ конституционного строя». Эта дефиниция спорна.

Во-первых, принадлежность потерпевшего к определенной социальной группе (религиозной, расовой и т.д.) сама по себе еще не характеризует совершенное в отношении ее представителя преступление как экстремистское. Не можем не отметить и тот факт, что законодатель определяет преступления экстремистской направленности как преступления, совершенные по мотивам политической, идеологической, расовой, национальной или религиозной ненависти или вражды либо ненависти или вражды в отношении какой-либо

социальной группы (примечание 2 к ст. 282.1 УК РФ). Соответственно экстремистскими мотивами следует, на наш взгляд, считать мотивы ненависти или вражды, перечень которых приведен в уголовном законе. Во-вторых, определение мотива преступления через категорию «цель» представляется некорректным, поскольку это разные и самостоятельные признаки субъективной стороны преступления.

3. Предлагая дополнить ст. 280.1 УК РФ частью третьей, содержащей указание на специальный субъект преступления – «лицо, обладающее общественно-политическим влиянием», Д.О. Чернявский предлагает относить к ним, в том числе и лиц, замещающих должности в иностранных публичных организациях, должностных лиц иностранных государств. Однако, весомых аргументов в пользу такого решения мы в диссертации не нашли. В этой связи возникает вопрос, насколько существенное влияние на общественно-политическую жизнь в России и на ее граждан могут оказывать подобные лица (представители других государств) своей профессиональной, служебной деятельностью? Хотелось бы, чтобы автор дополнительно уточнил свою позицию по этому вопросу.

Указанные замечания и отмеченные спорные положения носят частный, дискуссионный характер и не влияют на высказанную положительную оценку рецензируемой работы, представляющей собой самостоятельное научно-квалификационное исследование, в котором содержится решение задачи, имеющей существенное значение для развития уголовно-правовой науки. Автор показал себя хорошо подготовленным ученым, умеющим применять теоретические знания для решения сложных вопросов уголовного права, владеющим современными методами исследования.

Вышеизложенное позволяет сделать вывод о том, что рецензируемая работа на тему: «Уголовно-правовая характеристика публичных призывов к нарушению территориальной целостности Российской Федерации» отвечает требованиям, предъявляемым к кандидатским диссертациям по специальности

12.00.08 – уголовное право и криминология; уголовно-исполнительное право,
а ее автор – Чернявский Дмитрий Олегович *заслуживает присуждения*
ученой степени кандидата юридических наук.

Официальный оппонент:

старший прокурор отдела управления
Главного уголовно-судебного управления
Генеральной прокуратуры
Российской Федерации
старший советник юстиции

кандидат юридических наук
(специальность 12.00.08 - уголовное право и криминология;
уголовно-исполнительное право)

Кунашев Ашамаз Адальбиевич

(125993, ГСП-3, Россия, г. Москва, ул. Большая Дмитровка, 15 «а»)
35ash35@mail.ru, 8495 987 56 56
30 мая 2018 г.